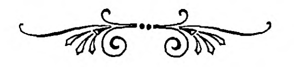
Гр. Алексѣй Самойловъ.

Русскій полякамъ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ
Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

Кіевъ, Крещатикъ, 33.

С.-Петербургъ, Екатерининская, 4.

КІЕВЪ,

Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, въ Кіевѣ.

1907.

Русскій—полякамъ.

Однимъ изъ крупныхъ моихъ разочарованій, а я дожилъ до тѣхъ сѣдинъ, когда разочарованій пережито много—это поляки. Недавно появилась брошюра подъ заглавіемъ „Полякъ—русскимъ“. Это заглавіе и побуждаетъ меня отвѣчать. Говорю именно заглавіе, потому что содержаніе брошюры не вызываетъ охоты вступать въ полемику.

Есть полякъ и полякъ, и я собственно обращаюсь къ тому разряду поляковъ, который я съ дѣтства привыкъ уважать, скажу даже любить; по крайней мѣрѣ—любилъ когда-то. Смѣлая рѣчь и рыцарскій обликъ Гарабурды, „семейная вражда“ и „споръ славянъ между

собою“ — всему этому мое воображеніе съ юныхъ лѣтъ придавало обликъ турнира родственныхъ націй, гдѣ, послѣ вѣковой ожесточенной борьбы, одна сторона побѣдила. Даже и дальнѣйшія вспышки и возстанія оправдывались законнымъ стремленіемъ побѣжденныхъ возвратить себѣ утраченную свободу. Великолѣпная любовь къ отечеству, духъ единенія и цѣпкость каждаго поляка къ своимъ братьямъ — эти черты манили и пробуждали уваженіе; они такъ стойко зиждились на основахъ традиціоннаго патріотизма, вѣры и отваги.

Постоянно проживая въ Украйнѣ, меня съ дѣтства прельщали историческія отношенія казачества къ польскимъ королямъ, отношенія, такъ своеобразно обрисованныя въ извѣстномъ совѣтѣ короля Владислава IV: „у васъ есть сабли!“ Словомъ, весь кругозоръ мой на взаимныя политическія условія допускалъ сбли-

женіе, примиреніе, единеніе, скрѣпленіе на почвѣ общаго славянскаго моря, въ которомъ сливались бы отдѣльные ручьи.

Возстаніе 1862 года нѣсколько смутило эти мирныя воззрѣнія. Ужасныя расправы повстанцевъ съ русскими гарнизонами и истязанія православныхъ священниковъ бросили тяжелую тѣнь на картину рыцарской борьбы, но, съ другой стороны крутая отместка Муравьева уравновѣшивала обоюдную долю жестокости. Въ то время Муравьевъ рисовался мнѣ суровымъ безжалостнымъ деспотомъ, потопившимъ возстаніе на висѣлицахъ, въ потокахъ крови. Близкіе же мнѣ люди, которымъ совѣсть не позволила оставаться участниками муравьевскаго укротительнаго режима, служили вящимъ подтвержденіемъ возможности тѣсныхъ русско-польскихъ отношеній.

Вслѣдъ затѣмъ Россія наводнила Царство Польское арміей чиновниковъ,

состоявшей главнымъ образомъ изъ карьеристовъ и мало разборчивыхъ людей, лишенныхъ воспитанія и такта и способныхъ только возбудить ненависть ко всему русскому. Въ самомъ дѣлѣ, уровень русскаго чиновничества, нахлынувшаго на Польшу, былъ настолько ниже средней культуры мѣстныхъ интеллигентныхъ людей, что положеніе подчиненнаго населенія, подъ гнетомъ этого менѣе культурнаго элемента побѣдителей, оказалось поистинѣ трагическимъ. „Vae victis", конечно, но надо сознаться, что подъ такимъ наводненіемъ людей, которымъ внутри Россіи не было хода, мечъ Бренна легъ на Польшу особенно тяжело.

Справедливость требуетъ сказать, что подобное положеніе вещей вызывало неудовольствіе и среди значительной части русскаго общества. Тогда въ мыслящей Россіи опредѣлились по польскому во-

просу два теченія. Одно, строго осуждающее систему руссификаціи Польши и негодующее на ея примѣненіе со стороны правительства, которое не понимало де своего долга и взамѣнъ примиренія страстей растравляло ихъ; другое—настойчиво твердившее, что полякамъ ни въ какомъ случаѣ вѣрить нельзя, и что ихъ миролюбіе и покорность судьбѣ—обманъ. Въ глазахъ такихъ русскихъ людей чуть ли не каждый полякъ хранилъ въ своемъ погребѣ порохъ и конфедератку, готовый ежечасно, при малѣйшей возможности, поднять знамя возстанія. Постоянно повторялось извѣстное „timeo Danaos“ и т. д

Эпоха 1870—1871 гг. и прусско-французская война внесли въ кругозоръ поляковъ значительныя видоизмѣненія. Поляки стали увѣрять, что послѣ побѣды Германіи все измѣнилось, и мысль объ отдѣленіи Польши отъ Россіи и о возстановленіи королевства должна от-

пасть, до того теперь стало явственно, что королевству невозможно прожить долго. Сильная Германія непремѣнно уничтожитъ его въ зачаткѣ, а гнетъ Германіи куда хуже русскаго владычества. Разсказъ Сенкевича о „Бартекѣ побѣдителѣ“ живо иллюстрируетъ, на сколько солоно пришлись полякамъ германскіе порядки.

И дѣйствительно, подъ вліяніемъ новаго теченія мыслей началось было взаимное стремленіе къ сближенію, и если бы русское правительство въ то время обладало хотя немного болѣе дальновиднымъ государственнымъ умомъ, то многое могло бы быть достигнуто, въ смыслѣ сближенія съ Варшавой.

Къ сожалѣнію, мы и здѣсь, какъ и всегда, упустили минуту: мелочныя придирки, булавочные уколы, мелкія безтактности и обиды,—все это, подъ флагомъ руссификаціи, примѣнялось въ Польшѣ на каждомъ шагу съ возобновленнымъ

усердіемъ. Тамъ, на мелкой телеграфной станціи, запрещаютъ говорить по-польски и, изъ-за наивно произнесенныхъ двухъ словъ на польскомъ языкѣ, привлекаютъ недоумѣвающаго поселянина къ отвѣтственности; здѣсь, въ костелѣ, происходятъ печальныя и безобразныя сцены, вызванныя неумѣстной ревностью администраціи. По Малороссіи насильственно собираютъ съ католическихъ помѣщиковъ деньги на сооруженіе православныхъ церквей, какъ будто православная церковь нуждалась въ такой помощи! Тяжбы всякихъ „вольныхъ людей“ и чиншевиковъ съ панами разрѣшаются съ поразительной односторонностью, лишь бы полякъ-помѣщикъ оказался неправымъ. Словомъ, со стороны русскихъ администраторовъ продолжалось примѣненіе прежняго печальнаго режима, недостойнаго великой имперіи.

Правда, непримиримые русскіе люди попрежнему твердили: не вѣрьте поляку;

онъ обманываетъ; онъ и теперь, какъ и прежде, только и мечтаетъ о возстановленіи королевства. Что бы вы ни сдѣлали, полякъ всегда будетъ васъ ненавидѣть, и всѣ его увѣренія и разсказы о будто бы измѣнившемся положеніи вещей послѣ 1870 года—это фразы для отвода глазъ. Русская политика должна заключаться въ обрусѣніи края, по примѣру германизаціи. Быть можетъ русскіе чиновники и плохи, и наши администраторы сомнительнаго разряда, но такое бѣдствіе для поляковъ является лишь послѣдствіемъ ихъ вѣчной фальши и постояннаго злоупотребленія нашей довѣрчивостью. Это наказаніе, которое полякамъ выносить тяжело, но которое вполнѣ ими заслужено; всякое же послабленіе въ системѣ обрусѣнія пойдетъ въ разрѣзъ съ интересами Россіи.

Итакъ, въ русскомъ общественномъ мнѣніи продолжаются тѣ же два теченія, и въ такомъ положеніи застаетъ насъ

русско-японская война, пресловутое „освободительное движеніе“ и тотъ хаосъ, который въ иныхъ „сферахъ“ называютъ русской революціей.

Вотъ тутъ-то, казалось бы, полякамъ слѣдовало проявить себя. Болѣе культурнымъ, нежели мы, имъ легче было оцѣнить по достоинству всю совокупность освободительнаго движенія; смотрящимъ со стороны, имъ удобнѣе было наблюдать за ходомъ событій и взвѣшивать серьезность или дутость того или другого факта или стимула; наученнымъ горькимъ опытомъ, имъ тѣмъ менѣе слѣдовало поддаваться обоянію громкозвучныхъ словъ и рѣчей о всеобщемъ голосованіи, автономіи и т. п.

Къ сожалѣнію, поляки вовсе не воспользовались минутой. Истые славяне и вѣрные своей исторіи, они, какъ и мы относительно ихъ, старательно упустили эту возможность доказать свою зрѣлость,

разумность и дальновидность. Съ дѣтскимъ легкомысліемъ они пустились въ политику рискованныхъ приключеній, провозглашенную недоучившимися и недозрѣлыми Мирабо и Маратами нашихъ 1-й и 2-й Думы, и появилось жидкое и жалкое польское коло. А лучшая часть польскаго общества, вмѣсто того, чтобы откреститься отъ такого представительства Польши, своимъ двуличнымъ, нерѣшительнымъ отношеніемъ къ дѣлу первой государственной важности нанесла себѣ тяжелый ударъ. Увы! смѣлые и благородные облики гг. Скирмунда, графа Потоцкаго и нѣкоторыхъ другихъ не нашли себѣ подражателей.

Сторонники поляковъ въ русскомъ обществѣ, а ихъ было не мало, ибо ошибочно полагать, что полонофилы въ Россіи были безсильны—приведены были въ полное смущеніе. Многіе и многіе отшатнулись отъ поляковъ; одобрили же дѣ-

ятельность польскаго коло только разные народившіеся у насъ за послѣднее время „швили", да русскіе депутаты, „ѣздившіе въ Варшаву". Но что представляютъ эти „швили" и депутаты? Небольшую горсть людей, совершенно безсильную въ Россіи и пользующуюся извѣстнымъ авторитетомъ развѣ за границей, да въ глазахъ нѣкоторыхъ представителей нашего правительства или корреспондентовъ нѣкоторыхъ газетъ (и какихъ газетъ!).

Да, поляки поступили въ дѣлѣ выборовъ и представительства послѣднихъ годовъ съ прискорбной недальновидностью, и теперь имъ нескоро удастся оправиться отъ послѣдствій этой политической ошибки.

И все же я пишу, русскій полякамъ, русскій, продолжающій вѣрить въ возможность сближенія и ратующій, по мѣрѣ силъ, въ этомъ направленіи.

Господа поляки! Теперь на очереди выборы въ третью Государственную Думу.

Очнитесь! Проявите себя на этихъ выборахъ такими, какими вамъ слѣдовало быть съ самаго начала, то-есть носителями идеи не узко-національной, а общей культурной, государственной. Оставьте на время лозунгъ „королевства отъ моря и до моря". Въ настоящіе дни этотъ девизъ не имѣетъ, какъ вы сами видите, ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ, а провозглашеніе его съ упрямой стойчивостью ничтожнымъ меньшинствомъ только вызываетъ у большинства раздраженіе. Теперь на выборномъ полѣ борятся въ Россіи два врага. Одинъ изъ нихъ стоитъ за стройность имперіи, защищаетъ традиціонные устои, желаетъ „эволюціи, но не революціи", другой прикладываетъ къ пороху фитиль, который долженъ все разрушить, все уничтожить, въ надеждѣ, что на развалинахъ стараго ему посчастливится создать новый, лучшій строй. Но, господа, не забудьте, что при разрушеніи стараго, если при взрывѣ и распадется

нелюбый вамъ порядокъ и гнетъ Россіи, то одновременно, а пожалуй, гораздо скорѣе, сгините окончательно и вы и Польша. Все то, что вы мечтаете возстановить и воскресить, исчезнетъ вмѣстѣ въ вами безслѣдно и безвозвратно. Прислушайтесь! Въ Царствѣ Польскомъ давно уже грозно звучитъ гулъ соціалистическаго и анархическаго вулкана, и вы не можете оставаться къ нему глухими и слѣпыми. Вообразите себѣ полную анархію въ Россіи, развѣ не ясно, что отъ Царства Польскаго не останется и слѣда? Не камнемъ, брошеннымъ въ чело пустынника, вы сгоните назойливую муху. Для этого есть другіе пути и прежде всего — терпѣніе. Да, терпѣніе. Я знаю: вы скажете, что терпѣли довольно долго! Вѣрно; но поведеніе поляковъ за эти минувшіе два—три года и нелѣпая роль вашего коло въ послѣдней Государственной Думѣ нарушили все то, на что вы имѣли право разсчитывать, ссылаясь на свое долготер-

пѣніе. Приходится начинать съ начала. Паукъ, у котораго разнесли паутину, кропотливо приступаетъ къ новому сооруженію; ласточка, у которой воробей отнялъ готовое гнѣздо, терпѣливо принимается за постройку новаго жилища. Гг. поляки! Сдѣлайте и вы усиліе. Приложите теперь руку къ общему дѣлу строительства русской государственной жизни, и хотя бы на время отложите старые счета, прежнія обиды и примѣните къ дѣлу не красную ленту повстанія, а серебряныя крылья вашего орла. Съ этимъ орломъ воспряньте повыше, вверхъ, подальше отъ мелочей личнаго національнаго эгоизма.

Отъ фразъ къ дѣлу. Гг. поляки юго-западнаго края! На предстоящую выборную кампанію отбросьте стремленіе провести въ третью Государственную Думу непремѣнно поляковъ. Если даже въ 3-й Думѣ и вовсе не будетъ польскихъ представителей юго-западной Рос-

сіи, то это для польскаго дѣла не можетъ имѣть рокового значенія. Поляковъ не будетъ въ 3-й Думѣ—они будутъ въ 4-й, 5-й, 10-й. Но для этого необходимо, чтобы поляки на выборахъ обрисовались ясными чертами. До сихъ поръ на выборныхъ собраніяхъ окраска польскихъ избирателей была только одна, весьма узкая: мы поляки и больше ничего. Пока русскіе бились и раздирались на партіи и оттѣнки: правые, октябристы, кадеты, трудовики и т. п. (что не мѣшало имъ оставаться русскими, по крайней мѣрѣ называть себя русскими, я де русскій октябристъ, а я русскій кадетъ), поляки оставались поляками и только. Ошибка, и къ тому же неправда, потому что, повторяю, есть полякъ и полякъ, и между полякомъ правымъ и полякомъ соціалистомъ такая же разница, какъ между гг. Пуришкевичемъ и Алексинскимъ. Да и никого вы не обманули. Всѣ понимаютъ, что подъ личиной польскаго еди-

ненія кроются самые разнообразные элементы. Все это сшито слабыми нитями и не сегодня — завтра распорется по швамъ. Къ чему же лицемѣрить? Мы, господа поляки, съ уваженіемъ относимся къ вашему непремѣнному стремленію пребывать скученными и удивляемся достигаемымъ вами (кстати сказать, при неимовѣрныхъ усиліяхъ) результатамъ, но все же мы подъ усами улыбаемся, ибо и вамъ и намъ и всѣмъ явственно, на сколько все это искусственно, непрочно, устарѣло и при малѣйшемъ напорѣ распадется.

Возьмите, для примѣра, состоявшіеся года два тому назадъ въ одной изъ юго-западныхъ губерній выборы въ высшее государственное учрежденіе. Русскіе, по-обыкновенію, съѣхались на выборы лѣниво. Созывали ихъ неаккуратно, съ опозданіемъ, не убѣдительно; да и сами избиратели плошали и не двигались съ мѣста. Поляки же кликнули кличъ. Искусственно взвинчено было настроеніе, и въ

этомъ дѣлѣ, въ которомъ въ сущности Польша и національные польскіе интересы были весьма мало затронуты, забили тревогу. Со свойственнымъ людямъ свыкнувшимся по западнымъ порядкамъ съ выборнымъ строемъ, серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу выборовъ, поляки съѣхались въ губернскій городъ въ значительно большемъ числѣ, нежели русскіе, и побѣда на выборахъ была заранѣе вполнѣ обезпечена за ними. Прекрасно. Но тутъ, на бѣду, оказалось, что изъ польскихъ избирателей, которыхъ присутствіе въ государственномъ учрежденіи, куда выбирался членъ, имѣло бы значеніе и политическій смыслъ — охотниковъ баллотироваться не оказалось. Никто изъ поляковъ, могущихъ логически занять это мѣсто, не пожелалъ жертвовать своей свободой для государственной службы. Русскіе же, напротивъ, выставили подходящаго кандидата, къ которому и сами поляки относились доброжелательно. Но

это былъ русскій, а не полякъ. И потому, поляки постановляютъ такъ: хотя русскій кандидатъ—человѣкъ вполнѣ подходящій, но намъ слѣдуетъ взвѣшивать не достоинства человѣка и не то, подходитъ ли онъ къ мѣсту, на которое его избираютъ, или нѣтъ, а исключительно: полякъ онъ и католикъ или нѣтъ? Въ данномъ случаѣ, кандидатъ не полякъ, ergo—не нужно его; а такъ какъ изъ поляковъ-католиковъ вполнѣ подходящихъ къ намѣченному посту никто баллотироваться не желаетъ, то опредѣляемъ: избрать на эту должность господина NN. Этотъ NN., которому и во снѣ не снилось подобное назначеніе, человѣкъ несомнѣнно весьма почтенный, но который—кто изъ его избирателей съ этимъ не согласится, да и самъ онъ вѣроятно подтвердилъ бы это — нисколько не былъ подготовленъ къ занятію государственной должности и особой пользы на этомъ посту принести не могъ.

Интересная картинка выборныхъ нравовъ, не правда ли? А что она вѣрна, этого вѣроятно никто оспаривать не станетъ. Ну, а затѣмъ послѣдствія. „Вы вотъ какъ, господа поляки“, намотали себѣ на усъ русскіе помѣщики, „какъ же это возможно? У васъ съ нами теперь тождественныя заботы; одинаково съ нами вы ратуете за правильную администрацію и устойчивые финансы, вмѣстѣ съ нами порицаете политику приключеній и необдуманные походы; такъ же, какъ и мы, желаете твердаго установленія принципа собственности, процвѣтанія промышленности и торговли, расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, развитія образованія и т. д. Такъ же, какъ и мы, вы готовы на жертвы для борьбы съ свирѣпствующей гидрой анархіи, разоряющей все существующее, и вдругъ, въ серьезную минуту выборовъ, когда мы предлагаемъ вамъ кандидата, противъ котораго вы ничего не можете возразить, вамъ даже

симпатичнаго, вы его отвергаете исключительно потому, что онъ не католикъ? Спасибо же вамъ, паны-братья, мы этого вамъ не забудемъ"! Такъ сказали русскіе избиратели и... „отыскался слѣдъ Тарасовъ". На прошлыхъ выборахъ въ Государственную Думу поляки въ той губерніи, гдѣ происходилъ выше разсказанный случай, стояли отдѣльной группой. На ихъ желаніе сблизиться и пойти на соглашеніе во многихъ уѣздахъ отвѣчали полнымъ отказомъ. На губернскихъ же выборахъ польская группа играла самую плачевную роль и была совершенно устранена отъ общей дѣятельности русскихъ благомыслящихъ силъ.

Все это въ высшей степени прискорбно. И вотъ, теперь передъ наступленіемъ выборовъ въ 3-ю Думу, я предлагаю полякамъ юго-западнаго края совершенно измѣнить тактику. Повторяю: откажитесь отъ желанія непремѣнно провести поляковъ и присоедините ваши го-

лоса къ той русской группѣ, въ программѣ коей будутъ вписаны основы, которыя не могутъ вамъ не быть по душѣ, а именно: принципы мира, законности и порядка. Докажите русскимъ, что вы отказались отъ узкой національной программы и вмѣстѣ съ нами будете поддерживать здравыя основы собственности и права. И повѣрьте, что, если въ эту третью Думу и не попадутъ ваши непосредственно польскіе представители отъ юго-западнаго края, то сдѣланный вами шагъ въ сторону сближенія съ русскими ни въ какомъ случаѣ не пропадетъ даромъ. Онъ будетъ глубоко оцѣненъ, и въ будущемъ русскіе сторицею отплатятъ Польшѣ и полякамъ за ихъ сегодняшнія умѣренность и доброжелательство.

Членамъ же вашего коло въ будущей Думѣ внушите, чтобы они безъ лицемѣрія, безъ заигрываній примкнули къ тому русскому знамени, на которомъ будутъ начертаны слова разума и порядка.

Ихъ встрѣтятъ съ распростертыми руками, и это первое объятіе да послужитъ завѣтомъ дальнѣйшаго скрѣпленія родственныхъ узъ. Единеніе теперь такъ необходимо! Ибо наши общіе враги соціалисты, анархисты и т. п. не тратятъ времени на разборъ, кто Эллинъ и кто Іудей, кто Полякъ и кто Русскій, но одинаково готовы пожрать каждаго изъ васъ и изъ насъ.

Еще слово. Мнѣ только что прислали брошюру поляка подъ заглавіемъ „Земля и Воля“. Великое спасибо автору.

Эхъ, господа поляки, давно бы такъ! Давно пора заговорить этимъ честнымъ и разумнымъ языкомъ.

Августъ 1907 г.

Гр. Алексѣй Самойловъ.